

УДК 291.1

Значение идей исихазма в становлении русской средневековой философии**Климков Олег Станиславович**

Кандидат философских наук,
докторант кафедры русской философии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;
e-mail: Oleg_Klimkov@mail.ru

Аннотация

Объектом исследования данной статьи является идейное и духовное влияние афоно-византийского исихазма на становление и развитие самобытной русской средневековой философии. Рассматривается значение богословско-философских и мистико-аскетических идей, получивших окончательное оформление в эпоху исихастского возрождения в Византии XIV в., в русле которого в течение нескольких десятилетий продолжались так называемые исихастские споры, повлекшие за собой победу исихастской партии, возглавляемой Григорием Паламой. Труды Симеона Нового Богослова и Григория Синаита внесли значительный вклад в развитие этого духовного движения и в дальнейшую систематизацию и концептуальное осмысление этого учения в Византии и средневековой Руси, оказав влияние на процесс формирования ее религиозно-обрядовой и философско-богословской культуры. Ключевыми фигурами в развитии русской религиозной мысли выступают Нил Сорский, Артемий Троицкий и Максим Грек. Автор использует историко-аналитический и феноменологический методы, прибегая, при необходимости, и к методу сравнительного анализа и историко-философской реконструкции. Основными разделами данного исследования выступают следующие: обзор подъемов и упадков «внутреннего делания» на Руси; анализ преемственности византийской и русской мысли; исследование духовной специфики русского средневековья; изучение проблемы религиозной свободы и «самовластия» человека; выявление значения рецепции исихастских идей в русской средневековой мысли.

Для цитирования в научных исследованиях

Климков О.С. Значение идей исихазма в становлении русской средневековой философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 1А. С. 42-49.

Ключевые слова

Русская философия, синаитизм, исихазм, богопознание, аскетизм, православие, христианство, Григорий Синаит, Симеон Новый Богослов, Нил Сорский.

Введение

Идеи афоно-византийского исихазма стали известны на Руси еще во время исихастских споров в Византии XIV в. Труды Сергия Радонежского и его учеников являются выдающимся свидетельством этого влияния. «Благодаря переводам с греческого, поступившим в XIV в. с Балкан на Русь, обновились едва ли не все сферы ее духовной культуры» [Прохоров, 2009, 14]. Г.М. Прохоров отмечает, что «первоначально исихастские идеи стали проникать при общерусском митрополите Феогносте» [Громов, Козлов, 1990, 139]. «Это было возрождение не только русского исихазма, но именно христианской книжной культуры, в том числе и исихазма» [Прохоров, 2008, 8-9].

Однако вслед за расцветом православно-исихастской духовности наступает эпоха некоторого угасания традиции «умного делания». «Таким образом, в XIV-м и отчасти еще в XV-м веке русская культура переживает новый приступ Византийских воздействий. Но это был канун кризиса и разрыва» [Флоровский, 1991, 10], – писал Г.В. Флоровский. «Русь XIV и XV веков проходит под знаком Византии: ее влияния, возрождения монашества, созерцательного подвига. Но к концу XV века эти прежние связи ослабевают и даже разрываются» [Концевич, 2002, 169], – подтверждает И.М. Концевич. «После подъема XIV-XV веков в русской духовной и культурной жизни происходит определенный спад. Признаки подъема стали проявляться к концу XVII в. ... Предвестником назревавших сдвигов явилось оживление исихастских традиций» [Экономцев, 1992, 191]. Таким образом можно очертить смену подъемов и упадков исихастско-православной духовности в русском обществе на протяжении последних нескольких столетий.

Преемственность византийской и русской мысли

Говоря, далее, о значении Нила Сорского, вместе с Г.П. Федотовым мы можем отметить «непрерывность духовной, мистической традиции, идущей от преподобного Сергия к Нилу» [Федотов, 1990, 164]. Исследователи не раз уже отмечали черты духовной преемственности между этими двумя подвижниками. «Столетие отделяет преобразования Сергия от деятельности Нила, но их имена могут быть поставлены рядом» [Бубнова, 1992, 23]. По мнению В.В. Зеньковского, «Нил Сорский прямо примыкает к той традиции, которая связана с преп. Сергием Радонежским» [Зеньковский, 1991, 50]. Однако же Нил не во всем следовал Сергию. «Идейный наследник Сергия по исихазму русский теоретик этого учения Нил Сорский не наследовал Сергию во взглядах на монастырское устройство. Нил Сорский противопоставил монастырскому общежителю – скит. Скит и был не чем иным, как исихастерием» [Клибанов, 1971, 92].

Отметим также преемственный характер развития идей исихазма в византийской и русской средневековой мысли. Можно отметить, что рецепция исихастского наследия в творчестве Нила Сорского носила скорее практически-аскетический, нежели теоретико-богословский характер. «Освещение высших ступеней, – отмечает Д. Мэлони, – созерцания и мистических состояний у Нила является компиляцией, собранной из текстов трех его любимых авторов: Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова и Григория Синаита» [Maloney, 1973, 193]. Он «перенес центр тяжести своей деятельности на самоанализ. Он писал: «воздвизай совесть к лучшему», и к анализу этой «совести» человека, его ума и сердца он чаще всего обращался» [Лазарев, 1966, 12]. Таким образом, можно констатировать тот факт, что «исихазм глубоко вошел в русскую

культурную традицию. Крупнейшим мыслителем, применившим теорию исихазма к практике социальной действительности, был Нил Сорский» [Громов, Козлов, 1990, 142].

Утверждая в качестве важного свойства русской философии тягу к онтологизации истины, Л.Е. Шапошников подчеркивает ее связь с исихазмом и такими его представителями, как преподобные Сергей и Нил: «Православное учение о спасении исходит из понимания нравственного совершенствования как процесса «обожения», т.е. преображения человека. Итак, онтологизация истины – характерная черта отечественного философствования» [Шапошников, 2006, 255]. «Большинство сборников XIV в., начиная с его середины, и XV в. наполнено произведениями живших в разные века опытных христианских подвижников, психологов-практиков, знатоков, атакующих человеческую душу страстей и методов борьбы с ними. ... Все они – аскеты-«исихасты», писавшие для людей, заботящихся о своем внутреннем мире с целью достижения в душе «безмолвия», «молчания», светлого и радостного покоя, в котором возможно личное соприкосновение со светоносной Вечностью. Эти сочинения можно отнести к «келейному» исихазму» [Прохоров, 2010, 205]. Указывая на противоречие воззрений Нила нравам своей эпохи, И.М. Концевич отмечает, что «ясных и простых формах систематизировал он учение о внутреннем делании» [Концевич, 2002, 63].

Духовная специфика русского средневековья

По мнению выдающегося исследователя эпохи С.Г. Вилинского, в духовной культуре русского общества XVI столетия можно выделить три направления: «во-первых, стремление объединить духовную жизнь Московского государства и утвердить старину, как основу духовного преуспевания общества; во-вторых, стремление к освобождению от византийского влияния и, наряду с этим, проникновение влияния западного, выразившегося сначала в острой форме рационалистических ересей; в-третьих, направление мистического характера, шедшее из Византии и отразившееся главным образом в учении заволжских старцев» [Вилинский, 1906, 314-315]. «Но византийскому влиянию, или по крайней мере той форме внешней обрядности и благочестия, в какую оно сложилось у нас, являлось противодействие со стороны еще одного – третьяго – направления, именно, так называемого мистического направления. И оно также не в XVI веке зародилось, а может быть ведено едва ли не с конца XIV века, если судить по времени появления русских списков славянских переводов византийских мистиков; собственно говоря, история этого направления на Руси еще недостаточно изучена и выяснена, но по всем имеющимся данным можно заключить о его также византийском происхождении. Григория Синаита и Григория Паламу обыкновенно считают во главе этого направления в Византии, откуда оно перешло и в славянские земли, и на Русь. ...Впервые ясно это направление выразилось у преп. Нила Сорского и его учеников... заволжские старцы, отвергая внешнее понимание христианства, требовали углубления, проникновения в самый дух христианства, а это разрушало односторонность установившихся воззрений» [там же, 315]. «Чего же они искали в мистицизме? ...Не впадая ни в вольномыслие, ни в туманные построения мистицизма, ни в крайности обрядности, они создали учение, которое по глубокому пониманию христианства и по высоте изображенных в нем идеалов имеет значение и до наших дней» [там же, 341].

Важно помнить при этом, что далеко не вся церковная иерархия и духовенство разделяли этот мистико-аскетический пафос афонско-русского исихазма, предпочитая полагаться скорее на власть и имущество, нежели на божественную благодать и радость духовного созерцания. Отсюда понятен тот накал страстей, коим сопровождалась споры иосифлян и нестяжателей в

России. «Современную ему эпоху Артемий описал как «время плача» [Громов, 2010, 116]. «В целом же идеи Артемия Троицкого, – отмечает А.Ф. Замалеев, – относятся к течению нестяжательского исихазма. Его влияние на западнорусскую духовную традицию шло несколько в ином русле, нежели влияние Андрея Курбского, усиливая прежде всего православное мирозерцание и подготавливая этим почву для религиозно-аскетических воззрений Ивана Вишенского» [Замалеев, 1998, 210].

Старец Артемий был расположен более всего к этому мистическому направлению, поэтому важно прояснить его обусловленность от религиозно-исторических обстоятельств, породивших русский мистицизм данной эпохи. «В этом отношении, – утверждает С.Г. Вилинский, – наиболее важное значение имеет учение Григория Синаита» [Вилинский, 1906, 316]. «Идеи «заволжских старцев» обогатили древнерусскую антропологию психологизмом, интересом к глубинным феноменам человеческой психики. А внимание к личным особенностям психического и телесного строя человека усилило значимость индивидуальности в древнерусской мысли» [Чумакова, 2001, 108]. «Мудроборство» Артемия Троицкого, как и «мудроборство» Нила Сорского и Максима Грека, имеет один общий источник – афонский исихазм» [Замалеев, 2003, 42]. «По самоотверженной преданности исихастской традиции и богословским познаниям личность Артемия была сопоставима с личностью Максима Грека» [Лурье, 2009, 121]. «Исихазм как мистическое учение о преображении («обождении») человека, – утверждает Н.С. Жиртуева, – выражает самую сокровенную суть православия» [Жиртуева, 2015, 843].

Религиозная свобода и «самовластие» человека

Следует отметить в данном контексте, что полемическая защита свободы воли человека, проходившая в Москве в контексте борьбы с идеологией астрологического детерминизма, обладала философским созвучием со знаменитым диспутом Эразма Роттердамского и Мартина Лютера, сотрясавшем Европу почти в то же время. Скорее всего Максим не знал об этом, но годы, проведенные в Италии, сделали его чутким к дыханию времени. «Думается, – пишет Н. Зайц, – как и другие выдающиеся богословы и мыслители, Максим Грек предчувствовал крах христианского сознания в Западной Европе, поэтому у него уже в молодости сложились определенные духовные установления, которым он не изменил до конца своей жизни» [Зайц, 2013, 58].

Будучи адептом религиозной свободы, Грек усвоил идеи человеческого «самовластия» в той мере, в какой они не противоречили христианской догматике. «Максим Грек избрал ту часть христианской традиции, – отмечает Н.В. Сеницына, – которая делала акцент на свободной воле человека» [Сеницына, 2008, 57]. «Перед нами, таким образом, два разных теологических подхода к обоснованию добра и зла» [Замалеев, Зоц, 1990, 66]. «Значение Максима Грека в том, – отмечает А.И. Клибанов, – что его личность, эрудиция, жизненная школа служили выявлению культурных сил русской интеллектуальной среды» [Клибанов, 1996, 166]. Причем «сочинения Максима Грека явились одним из немногих источников по античной философии и мифологии» [Русские мыслители, 2003, 105]. «В своих сочинениях он привлекает значительный историко-философский материал ... это способствует формированию философской культуры в Московской Руси» [Новиков, 1998, 48-49].

В последующие столетия значение личностного начала в христианской жизни продолжало возрастать благодаря подспудному воздействию исихастской духовности. «В эту эпоху, когда

преследовалось духовное начало, духовно одаренные натуры должны были замыкаться внутри себя, уходить в скрытую для мира внутреннюю жизнь» [Концевич, 2002, 203]. Ярким представителем этого уже неявного влияния, воплотившим в своих сочинениях и самой жизни исихастские идеалы, стал Тихон Задонский, пытавшийся донести до широкой публики свое понимание «истинного христианства». По мнению Т.В. Чумаковой «в «чистом виде» линия исихазма в древнерусской традиции, частично прерывается в XVI столетии, однако думать, что эта традиция полностью прервалась неверно» [Чумакова, 2001, 98].

Заключение

Подводя итоги нашего краткого исследования, отметим, что идеи афоно-византийского исихазма оказали фундаментальное влияние на становление и развитие русской средневековой философско-религиозной мысли. Данная рецепция оказалась возможной благодаря большому количеству переводов сочинений выдающихся авторов-исихастов на славянский язык. Зарождение самобытной русской философии происходило, таким образом, под воздействием детально разработанной в Византии православно-исихастской культуры, включавшей в себя как аскетико-психологическое, так и богословско-философское направления, известные под именами синаитизма и паламизма. При этом, следует подчеркнуть, что общей особенностью славянских переводов византийско-исихастской литературы является особое предпочтение нравственно-аскетической тематики и отсутствие особого интереса к высокой мистике и богословско-философской проблематике.

Это подтверждается, в частности, и тем фактом, что в творениях Нила Сорского, ставшего первым крупным представителем самобытной русской религиозной философии, присутствует уклон к этико-социальному пониманию христианства, что станет впоследствии характерной чертой русской религиозной мысли в целом. Сочинения Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова и Григория Синаита были любимым духовным чтением Нила Сорского и его последователей [Климков, 2017, 52], что проявилось в самом духе и специфике русского религиозного мышления и оказало, тем самым, первостепенное значение на становление и развитие русской средневековой мысли в целом.

Библиография

1. Бубнова В.А. Нил Сорский: Историческое повествование. СПб.: Редактор, 1992. 158 с.
2. Вилинский С.Г. Послания старца Артемия (XVI века). Одесса: Экономическая типография, 1906. 425 с.
3. Громов М.Н. Образы философов в Древней Руси. М., 2010. 190 с.
4. Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X-XVII веков. М.: МГУ, 1990. 288 с.
5. Жиртуева Н.С. Модификации византийского исихазма в культуре Киевской Руси, Московской Руси и средневекового Крыма // Философия и культура. 2015. № 6. С. 843-852. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.6.14070
6. Зайц Н. Неисследованные аспекты сочинений преподобного Максима Грека // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3. С. 57-58.
7. Замалеев А.Ф. Восточнославянские мыслители: Эпоха Средневековья. СПб., 1998. 270 с.
8. Замалеев А.Ф. (ред.) Летопись русской философии. 862-2002. СПб.: Летний сад, 2003. 352 с.
9. Замалеев А.Ф., Зоц В.А. Отечественные мыслители позднего средневековья (конец XIV – первая треть XVII в.). Киев: Лыбидь, 1990. 176 с.
10. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л.: ЭГО, 1991. 221 с.
11. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект Пресс, 1996. 368 с.
12. Клибанов А.И. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева // Андрей Рублев и его эпоха. Сборник статей. М.: Искусство, 1971. С. 62-102.

13. Климков О.С. Личность и труды Григория Синаита в контексте зарождения исихастских споров в Византии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 6А. С. 56-66.
14. Климков О.С. Учение о страстях души и ума в афонском и русском исихазме // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 6А. С. 46-55.
15. Климков О.С. Философские воззрения Максима Грека и их связь с исихастской гносеологией // Философия и культура. 2017. № 12. С.53-65. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.12.24844
16. Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М.: Лепта, 2002. 230 с.
17. Лазарев В.Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1966. 386 с.
18. Лурье В.М. Русское православие между Киевом и Москвой. Очерк истории русской православной традиции между XV и XVI веками. М.: Три квадрата, 2009. 296 с.
19. Новиков А.И. История русской философии X – XX веков. СПб.: Лань, 1998. 320 с.
20. Прохоров Г.М. (ред.) Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2008. 424 с.
21. Прохоров Г.М. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...» Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 320 с.
22. Прохоров Г.М. «Так воссияют праведники...» Византийская литература XIV в. в Древней Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009. 272 с.
23. Русские мыслители. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 352 с.
24. Сеницына Н.В. Раннее творчество преподобного Максима Грека // Максим Грек. Сочинения. М.: Индрик, 2008. Т. 1. С. 15-82.
25. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.
26. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Киев: Путь к истине, 1991. 600 с.
27. Чумакова Т.В. «В человеческом жителстве мнози образы зрятся». Образ человека в культуре Древней Руси. СПб.: СФО, 2001. 242 с.
28. Шапошников Л.Е. Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX-XXI веков. СПб., 2006. 327 с.
29. Экономцев И.Н. Православие, Византия, Россия. Сборник статей. М.: Христианская литература, 1992. 233 с.
30. Maloney G. Russian Hesychasm. The Spirituality of Nil Sorsky. Paris, 1973. 264 p.

The significance of the ideas of hesychasm in the formation of Russian medieval philosophy

Oleg S. Klimkov

PhD in Philosophy,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Oleg_Klimkov@mail.ru

Abstract

The object of research of this article is the ideological and spiritual influence of the Afono-Byzantine hesychasm on the formation and development of the original Russian medieval philosophy. The significance of the theological-philosophical and mystical ascetic ideas that were finalized during the hesychast renaissance in Byzantium of the fourteenth century is considered. In the course of several decades, the so-called hesychast disputes, which led to the victory of the hesychast party led by Gregory Palamas, continued. The works of Simeon the New Theologian and Grigory Sinait made a significant contribution to the development of this spiritual movement and to the further systematization and conceptual comprehension of this doctrine in Byzantium and

medieval Russia, influencing the process of the formation of its religious ritual and philosophical theological culture. The key figures in the development of Russian religious thought are Neil Sorsky, Artemy Troitsky and Maxim Grek. The author uses historical-analytical and phenomenological methods, resorting, if necessary, to the method of comparative analysis and historical-philosophical reconstruction. The main sections of this study are the following: an overview of the ups and downs of "internal doing" in Rus; analysis of the continuity of Byzantine and Russian thought; The study of the spiritual specifics of the Russian Middle Ages; the study of the problem of religious freedom and the "autocracy" of man; revealing the significance of the reception of hesychast ideas in Russian medieval thought.

For citation

Klimkov O.S. (2018) *Znachenie idei isikhazma v stanovlenii russkoi srednevekovoi filosofii* [The significance of the ideas of hesychasm in the formation of Russian medieval philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (1A), pp. 42-49.

Keywords

Russian philosophy, sinaitism, hesychasm, knowledge of God, asceticism, orthodoxy, Christianity, Gregory Sinait, Simeon New Theologian, Nil Sorskiy.

References

1. Bubnova V.A. (1992) *Nil Sorskii: Istoricheskoe povestvovanie* [Nil Sorskiy: Historical narrative]. St. Petersburg: Redaktor Publ.
2. Chumakova T.V. (2001) «*V chelovecheskom zhitel'stve mnozi obrazy zryatsya*». *Obraz cheloveka v kul'ture Drevnei Rusi* ["In human life, many images are made vigilant." The image of man in the culture of Ancient Rus]. St. Petersburg: SFO Publ.
3. Ekonomtsev I.N. (1992) *Pravoslavie, Vizantiya, Rossiya. Sbornik statei* [Orthodoxy, Byzantium, Russia. Digest of articles]. Moscow: Khristianskaya literature Publ.
4. Fedotov G.P. (1990) *Svyatye Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Russia]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.
5. Florovskii G.V. (1991) *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Kiev: Put' k istine Publ.
6. Gromov M.N. (2010) *Obrazy filosofov v Drevnei Rusi* [Images of philosophers in Ancient Rus]. Moscow.
7. Gromov M.N., Kozlov N.S. (1990) *Russkaya filosofskaya mysl' X-XVII vekov* [Russian philosophical thought of the X-XVII centuries]. Moscow: MSU.
8. Klibanov A.I. (1996) *Dukhovnaya kul'tura srednevekovoi Rusi* [Spiritual culture of medieval Russia]. Moscow: Aspekt Press Publ.
9. Klibanov A.I. (1971) K kharakteristike mirovozzreniya Andrey Rubleva [To the characterization of Andrei Rublyov's worldview]. In: *Andrei Rublev i ego epokha. Sbornik statei* [Andrey Rublev and his era. Digest of articles]. Moscow: Iskusstvo Publ.
10. Klimkov O.S. (2017) *Filosofskie vozzreniya Maksima Greka i ikh svyaz' s isikhastskoi gnoseologiei* [Philosophical views of Maxim the Greek and their connection with hesychast epistemology]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 12, pp. 53-65. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.12.24844
11. Klimkov O.S. (2017) *Lichnost' i trudy Grigoriya Sinaita v kontekste zarozhdeniya isikhastskikh sporov v Vizantii* [Personality and works of Gregory Sinait in the context of the birth of hesychast disputes in Byzantium]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6, 6A, pp. 56-66.
12. Klimkov O.S. (2017) *Uchenie o strastyakh dushi i uma v afonskom i russkom isikhazme* [The doctrine of the passions of the soul and mind in the Athonite and Russian Hesychasm]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6, 6A, pp. 46-55.
13. Kontsevich I.M. (2002) *Styazhanie Dukha Svyatogo v putyakh Drevnei Rusi* [Obstruction of the Holy Spirit in the ways of Ancient Rus]. Moscow: Lepta Publ.

14. Lazarev V.N. (1966) *Andrei Rublev i ego shkola* [Andrei Rublev and his school]. Moscow.
15. Lur'e V.M. (2009) *Russkoe pravoslavie mezhdru Kievom i Moskvoy. Ocherk istorii russkoi pravoslavnoi traditsii mezhdru XV i XVI vekami* [Russian Orthodoxy between Kiev and Moscow. An outline of the history of Russian Orthodox tradition between the 15th and 16th centuries]. Moscow: Tri kvadrata Publ.
16. Maloney G. (1973) *Russian Hesychasm. The Spirituality of Nil Sorsky*. Paris.
17. Novikov A.I. (1998) *Istoriya russkoi filosofii X – XX vekov* [The history of Russian philosophy X - XX centuries]. St. Petersburg: Lan' Publ.
18. Prokhorov G.M. (ed.) (2008) *Prepodobnye Nil Sorskii i Innokentii Komel'skii. Sochineniya* [The Reverend Nil Sorsky and Innokenty Komelsky. Compositions]. St. Petersburg: Izd. Olega Abyshko Publ.
19. Prokhorov G.M. (2010) «*Nekogda ne narod, a nyne narod Bozhii...*» *Drevnyaya Rus' kak istoriko-kul'turnyi fenomen* ["Once there is no people, but now the people of God ..."] *Ancient Rus as a historical and cultural phenomenon*. St. Petersburg: Izd. Olega Abyshko Publ.
20. Prokhorov G.M. (2009) «*Tak vossiyayut pravedniki...*» *Vizantiiskaya literatura XIV v. v Drevnei Rusi* ["Thus shall the righteous shine forth ..."] *Byzantine literature of the fourteenth century in Ancient Russia*. St. Petersburg: Izd. Olega Abyshko Publ.
21. (2003) *Russkie mysliteli* [Russian thinkers]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
22. Shaposhnikov L.E. (2006) *Konservativizm, modernizm i novatorstvo v russkoi pravoslavnoi mysli XIX-XXI vekov* [Conservatism, modernism and innovation in Russian Orthodox thought of the XIX-XXI centuries]. St. Petersburg.
23. Sinitsyna N.V. (2008) *Ranee tvorchestvo prepodobnogo Maksima Greka* [Early work of the Monk Maxim Grek]. In: *Maksim Grek. Sochineniya* [Maxim Grek. Compositions]. Moscow: Indrik Publ. Vol. 1.
24. Vilinskii S.G. (1906) *Poslaniya startsa Artemiya (XVI veka)* [Epistles of the elder Artemia (XVI century)]. Odessa: Ekonomicheskaya tipografiya Publ.
25. Zaits N. (2013) *Neissledovannyye aspekty sochinenii prepodobnogo Maksima Greka* [Unexplored aspects of the works of St. Maxim the Greek]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus. Questions of medieval studies], 3, pp. 57-58.
26. Zamaleev A.F. (1998) *Vostochnoslavyanskii mysliteli: Epokha Srednevekov'ya* [East Slavic thinkers: The Middle Ages]. St. Petersburg.
27. Zamaleev A.F. (ed.) (2003) *Letopis' russkoi filosofii. 862-2002* [Annals of Russian Philosophy. 862-2002]. St. Petersburg: Letnii sad Publ.
28. Zamaleev A.F., Zots V.A. (1990) *Otechestvennye mysliteli pozdnego srednevekov'ya (konets XIV – pervaya tret' XVII v.)* [Domestic thinkers of the late Middle Ages (the end of XIV - the first third of the XVII century)]. Kiev: Lybid' Publ.
29. Zen'kovskii V.V. (1991) *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian philosophy]. Leningrad: EGO Publ. Vol. 1. Part 1.
30. Zhirtueva N.S. (2015) *Modifikatsii vizantiiskogo isikhazma v kul'ture Kievskoi Rusi, Moskovskoi Rusi i srednevekovogo Kryma* [Modifications of Byzantine Hesychasm in the Culture of Kievan Rus, Moscow Rus and the Medieval Crimea]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 6, pp. 843-852. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.6.14070